

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

**«Я никогда и во сне не видел тех мест, откуда пишу...»:
свидетельства о «заграничном походе» советских военнослужащих
(из фондов российских архивов)**

4 июля 1941 г. фронтовой разведчик Г.С. Ставский, встретивший войну в Белоруссии и «на своих ногах» уже прошедший почти всю ее территорию, написал: «А Германию, так или иначе, я увижу» [1]. Г. Ставский погиб в 1943 г., и уже другим советским солдатам довелось не только вступить на землю поверженной Германии, но и «прошагать» через несколько европейских государств, участвовать в освобождении от японцев Маньчжурии.

Свыше года около 7 млн советских воинов, выполняя свой интернациональный долг, сражались за пределами Родины. Больше миллиона из них погибли. Письма, дневники, воспоминания советских военнослужащих сохранили разнообразные свидетельства об их «заграничном походе». Эти источники разворачивают панораму жизни «за рубежом», какой она виделась советскому солдату. Они передают эмоциональные переживания, которые он испытывал при столкновении с «чужим» укладом и бытом.

В широком спектре чувств по поводу выхода за пределы СССР, который сам по себе был символичен и горячо ожидаем, присутствовала и радость «открытия» неизведанных пространств, о чем раньше простому советскому гражданину даже не мечталось. Однако преобразиться в путешественников солдатам, продолжавшим свой боевой путь по странам Европы, было не дано. Ожесточенность боев с «уползающим в свое логово» врагом, многочисленные опасности, подстерегавшие на каждом шагу (военнослужащие не без оснований опасались быть отравленными местными жителями, получить «нож в спину»), горечь пережитого – все это сказывалось на восприятии зарубежных стран. Политработник Д.А. Абаев писал: «В мирное время столько разговоров вели мы о загранице. Будь она проклята...» [2].

Факт нахождения «за границей» постепенно осваивался сознанием и вписывался в биографию. Гвардии старшина В.В. Сырцылин сообщал в письме из Польши: «Я никогда и во сне не видал тех мест, откуда пишу. Все ново: и люди, и земля, и обычаи, и сам запах чужого края» [3]. Впечатления накапливались, появлялась почва для сравнений. «За время войны я уже проезжаю третью нерусскую страну, и в каждой стране есть присущие только ей особенности», – отмечал в дневнике военный врач А.С. Шевелев [4].

Источники личного происхождения сохранили зарисовки о нравах, культуре, природе тех стран, в которых довелось побывать советским военнослужащим. Они содержат попытки оценить уровень жизни населения этих стран, особенности материально-вещной среды, отличающейся от привычной советскому человеку. Немало места отводится описанию контактов с местным населением, определению его отношения к воинам-освободителям. В письмах советских военнослужащих из Германии и в их дневниках предстает тот общий фон, на котором разворачивались события последних месяцев войны: «в блеске пожарищ тени готических крыш», руины и «остатки былой роскоши», «распятые» немецкие города.

В оценках советскими военнослужащими порядка повседневной жизни в зарубежных странах чувствуется известная предвзятость, и такое отношение имеет, с одной стороны, идеологическую подоплеку, а с другой, опосредовано причинами субъективного характера – физической усталостью, моральной опустошенностью, тоской по родной земле. Данные свидетельства несут в себе большой потенциал информации не только о Европе военного времени, но, прежде всего, о том жизненном укладе, носителями которого являлись сами советские люди.

Вплоть до последнего времени публикации источников, зафиксировавших личностный опыт восприятия зарубежных стран советскими комбатантами, были редкостью. Благодаря приведенным ниже документам, находящимся на хранении в российских архивах (РГАСПИ, РГАЛИ, Архив НПЦ «Холокост», НА РТ, ГАКК), в некоторой степени этот пробел восполняется, уточняются возможности использования источников личного происхождения военного времени в современной историографической ситуации.

Примечания:

1. Сохрани мои письма...: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007. С. 25.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 136.
3. Герои терпения...: Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов. Краснодар, 2010. С. 115.
4. Сохрани мои письма...: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2. М., 2010. С. 264.

Тажидиноva И.Г.

Здравствуй, дорогой Борис!

<...> Нахожусь я сейчас на германской территории. Что представляет из себя она? Дороги буквально засыпаны разным домашним скарбом. Здесь и перины, и кастрюли всевозможных размеров, и ручные тележки, и велосипеды поломанные и исправные – все это следы поспешного бегства помощников «завоевателей мира». А где же «завоеватели»? Большинство из них уже тоже нашло себе место: или раздавило танком, или подбило снарядом, миной, или настигла автоматная очередь. Эти успокоились навсегда.

В городах и селах много трофеев. Живем сейчас исключительно хорошо. Кушаем, что хотим: мясо, масло, сыр, варенье разное и т.д. <...>

Германия 15.03.45 г.

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 83. Л. 1. Письмо Ключникова Петра Ивановича другу Орешникову Борису Дмитриевичу в г. Казань.

15.12.44

Польша

<...> Ведь уже столько времени прошло, как я уехала из дома. И столько за это время новых впечатлений и переживаний, непривычных и новых – новые люди, новые обычаи и порядки, причем все это не у нас, а за границей! Обо всем не напишешь – это все надо рассказать. И это все совсем не то, как мы представляем себе, сидя в тылу. <...>

9.02.45

Германия

<...> Проезжаем теперь по руинам, остаткам немецких городов. Живем в замечательном доме, в хороших комнатах с прекрасной обстановкой. Очень много хороших вещей, которые можно брать, сколько хочешь (ведь человек остается мелким собственником – всем хочется что-нибудь взять). И действительно, есть такие хорошие вещи, мимо которых трудно пройти, чтобы не заглядеться. Но ведь с собой таскать много вещей невозможно, а посылать домой – тоже не все пошлешь. <...>

11.03.45

Германия

Работаю врачом в части. Интересного в работе мало, но ничего не поделаешь. <...>

Вы не представляете, как мы здесь хорошо обеспечены. Питание прекрасное и думать о чем-нибудь дополнительном не приходится. В Польше еще иногда кое-чего покупали, а здесь в этом нет нужды. Да и у кого покупать? Ведь немцев-то нет. А денег все офицеры получают достаточно, причем часть русскими, а часть марками (в Польше получали злотыми). <...>

Выслала я две посылки, но тоже малоценные – все тряпки. Пока ничего хорошего не попало – да и к тому же наши «немного» бесцеремонно относятся к хорошим вещам – месть заставляет их многое уничтожать и приводить в негодность, к тому же те хорошие вещи остаются у передовых частей. И плюс ко всему – я как-то не очень стремлюсь к «захвату трофеев» – не в этом счастье. <...>

19.03.1945

Германия

<...> Иногда как-то странно подумать, что находимся в Германии – а это действительность. Идем по германским городам и селам, живем в немецких квартирах и т.п. Много увидела нового и интересного, о многом можно будет рассказать, когда все это кончится. <...>

Германия

5.05.1945

<...> Я побывала в центре Германии – в самом Берлине. Даже теперь, когда мы уже уехали из Берлина, как-то трудно себе представить все, что сейчас происходит здесь. Описать это очень трудно – надо рассказать. <...>

Должна сообщить вам «событие», которое, наконец, свершилось после столь долгого мечтания о нем – вас оно тоже должно обрадовать – приобрела себе часы, вернее, не сама, а мне подарили. Пусть это вас не удивляет – здесь часы так вошли в моду, что наши абсолютно все теперь с часами. Я, конечно, очень рада – ведь это моя давнишняя мечта; да и нужны они очень.

Странное какое-то состояние все время – живем сейчас среди немцев и, кажется, что они такие же люди, как и все, и трудно себе представить то, что они творили у нас. Мне часто приходится быть «переводчиком». <...>

Германия

2.06.45 г.

У меня нового ничего. В прошлом письме я писала, что мы теперь устроились. Живем лагерем в лесу – построили солдатам шалаши, а офицерам домики. <...>

Теперь можно уже говорить правду – были мы в опасных местах, пришлось испытать много... Но я не ударила лицом в грязь и нигде не показала вида, что мне страшно – а были такие моменты, что человеку не может быть не страшно. Особенно многое пришлось испытать при форсировании реки Нейсе, ну и затем в Берлине, когда каждую минуту нужно было ожидать выстрела из-за угла, ибо стреляли из каждого окна, из каждого подвала и военные и гражданские немцы.

Пусть все это вас не расстраивает, дорогие, ведь это все дело прошлого, а теперь мы живем тихо, спокойно – слушаем патефоны, скрипки, иногда радио – запаслись в Германии всем. Правда, наши люди научились веселиться и слушать музыку и во время боя. Теперь все живут надеждой и в ожидании возвращения в Россию.

20.06.45 г.

Германия

<...> Уже несколько дней стоим на колесах. 22-го, наверное, уже поедем – увидим еще одну страну. Едем в Австрию, в окрестности Вены. Так что побываем на родине великого композитора Штрауса и проживем, наверное, в тех лесах, о которых поется в «Сказке венского леса», увидим «голубой Дунай» и т.п. А оттуда, наверное, уже поедем в Россию.

Австрия

9.07.45 г.

<...> Живем недалеко от Вены. Была в городе – город разрушен, но очень красивый, видимо, был. Много целых красивых зданий. В театре еще не пришлось побывать, но еще будем.

<...> Надо будет в Вене прическу сделать, и еще хочу сделать большое дело – привести в порядок зубы. Но это все мелочи, много денег на это не уйдет. <...>

Австрия

16.07.45 г.

<...> Вчера были целый день в Вене. Посмотрели город, были в Венском саду, в кино. Хотели попасть в театр, но не достали билеты. Ну, еще побываем и в театре – мы ведь близко от Вены, всего в 18 км. Правда, плохо, что не знаем языка, так еще с горем пополам сговариваемся, а вот в кино, в театре трудно.

Приобрести здесь что-нибудь из вещей невозможно, т.к. ничего нет, все магазины закрыты. <...>

Архив Научно-просветительского Центра «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 190. Л. 19, 22, 24, 39, 41, 45, 46-47, 51. Письма Идельчик Хаси Исааковны родителям в г. Москву.

*

Добрый день, глубокоуважаемый мой друг Боря!

<...> Наша доблестная Красная Армия стремительно идет вперед, немцы откатываются назад, уползают в свою берлогу. <...>

Нас, русских, и украинцы, и белорусы, и поляки встречают как своих освободителей. Стоит зайти в дом к любому, они встречают как своих друзей, угощают, дают денег – не берут.

Культура здесь отсталая. Ни украинцы, ни белорусы, ни поляки не имеют бань, моются прямо дома, для нас это тоже доставляет большую трудность. Поляки меня тоже величают паном, некоторые говорят «товарис». Очень странно для нас, мужчины – поляки, когда здороваются целуют женщинам руки.

Язык польский во многом сходится с русским, но мне еще очень трудно разоб-
брать, особенно когда говорят быстро. Население здесь сильно малограмотное и
очень много вовсе неграмотных. Обучение, при старом польском правительстве, бы-
ло платное, а при немцах вовсе не стали учить. <...>

Твой друг Митя
18 августа 1944 г.

**НА РТ. Ф. Р-2157. Оп. 8. Д. 64. Л. 5-6. Письма Кузнецова Дмитрия
Алексеевича другу Орешникову Борису Дмитриевичу в г. Казань.**

*

Австрия, 1945 г.

<...> Вчера наши войска подошли к стенам Вены – столицы Австрии. Двухмил-
лионный древнейшей культуры город у наших ног. Что мы знаем о Вене? Чудесная
музыка Иогана Штрауса, которой мы восхищались в кинофильме «Большой вальс»
перед самой весной, знаменитая опера «Венский лес», «Дунайские волны», дворцы
и церкви... Ну, а еще что? Вот возьмем город, тогда и узнаем...

А на дорогах войны творится что-то невероятное. Дороги забиты войсками и
техникой Красной Армии, движущейся непрерывно на Вену и вообще Австрию. Из
Вены непрерывным потоком движется гражданское население. Кого только здесь
нет?!

Не даром говорится: «разбиты в пух и прах». Здесь, на дорогах к Вене это имеет
еще и вещественное подтверждение. Слово снегом покрыты дороги пухом из разо-
рванных перин. Никогда я не видел такого количества валяющихся на обочинах до-
роги поломанных велосипедов и детских колясок, брошенных корзин, баулов и че-
моданов, как на автостраде, идущей из Будапешта в Вену! Одни беженцы их бросают
– другие берут... <...>

Вена, апрель 1945 г.

Расположились в 5-комнатной квартире. Об этой квартире можно сказать одно
– люкс. Все здесь шикарно, все здесь сохранилось, как, впрочем, и весь наш район.
<...>

Отличные асфальтированные дороги, красивые, благоустроенные города. Соб-
ственно, сел, в нашем русском понимании, в этой части Австрии нет. Венский лес по
своей девственности поразил меня. Дороги обсажены яблонями, они все в цвету.
Едешь дорогой, пыли нет, и все благоухает.

Западную Европу я представлял как страну, где техника – заводы, фабрики,
электростанции – все поглотила. Дым, копоть, грязный воздух, чахлая раститель-
ность. В Австрии – ничего подобного нет. Лес подходит к самым городам. Много ди-
чи, зверья. Охота здесь, говорят австрийцы, была запрещена. Зелени и цветов везде
много...

Мы расквартировались на окраине города Санкт-Пельтен. Это уездный центр.
Город почти не разрушен, очень красив. Наша хозяйка, 70-летняя австрийка, когда
мы вошли в дом, пала перед нами на колени с возгласом: «Гитлер капут! Гитлер ка-
пут!». Мы ее подняли. Подтвердили, что, да, Гитлер, действительно, «капут». На ли-
це хозяйки была какая-то гримаса, подобие не то улыбки, не то разочарования...
<...>

Австрия, 3 мая 1945 г.

Первомайские праздники мы провели отлично. Пришел Указ о награждении
многих офицеров штаба и политотдела дивизии. Поэтому первомайский праздник
был шикарным. Начтыла полковник Карпов, что называется, разорил Вену, но на
банкет доставил таких вин и закусок, что нам даже и не снилось, не только в военное
время, но, пожалуй, и в мирные дни! <...>

**Российский государственный архив социально-политической исто-
рии (РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369б. Тетрадь № 12. Л. 25-26, 27, 32об,
34об, 35, 40. Дневник-воспоминания Поповиченко Акима Петровича.**

*

<...> Пишу тебе хорошую вестъ. Уже четвертый день шагаем по земле Восточной Пруссии. Красиво здесь. Ландшафт совсем изменен, чем в Литве. Населения немцев нет. Все эвакуировано, но ведь они на Марс не улетят. Видел бы ты лица наших солдат-гвардейцев. Радость и счастье сияет в их глазах.

Скоро конец войне. <...>

21.10.44 г.

<...> Вблизи виднеется она – победа.

Милый братишка, впечатлений о Германской земле очень много. С чего начать тебе сама не знаю.

Германия, вернее, Восточная Пруссия, богата, но только трофейным имуществом. Здесь можно встретить – харьковский стул, московское пианино, ивановскую мануфактуру, тетради и блокнот «Красный пролетарий», швейные машины из Тулы, ракушки и всякие безделушки из Крыма, вино из Франции, консервы из Норвегии, сыр и масло из Дании, кружева и портьеры из Бельгии.

Богато живут, но зато и бегут крепко.

<...> Сегодня одна «фрау» пришла просить к нам на кухню суп. Уже теперь не просят эти ведьмы «милый Ганс, пришли мне беличью шубку». Прошли те дни. Теперь они все побросали по дорогам – стулья и чемоданы, шубки и платья. Прошли дни грабежа. Знаешь, сейчас как шагает русский воин, кажется, что и не спешит, шагает и шагает, а победа все ближе и ближе.

<...> Здесь на этой проклятой земле возле Кенигсберга весна все так же, как и у нас, да не так. Нет русской прекрасной природы. Все эти здания с красной черепичной крышей надоели, и все солдаты ненавидят эти фольварки и помещичьи родовитые имения.

30.03.45 г.

РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 35, 42, 47. Письма Сологуб Анны Михайловны другу Льву Теплому в г. Москву.

*

12.06.45 г.

Дорогая Анютка!

<...> После победы буквально заняты по горло и небо кажется с овчинку. Ведь одних фрицев пришлось принимать сотнями тысяч, да еще их пособников в лице власовцев и прочей дряни. Был в Праге, большей части Чехословакии, Германии, Австрии. Надеюсь, что ты не очень будешь обижаться, тем более, что все старался сделать скорее, чтобы иметь возможность совсем уехать отсюда. <...>

Был в Праге, видел Бенеша и весь состав правительства. Прага – прекрасный город как, вообще, вся Чехословакия. Мне кажется, что это одна из лучших в Европе стран. К нам отношение исключительное, причем это не подобострастное отношение, не угодничество, а отношение искренне признательных людей за свое освобождение. Характерно, что чехословаки быстро и решительно разделяются со всякими пособниками Гитлера. Даже женщинам, которые имели связь с немцами, бреют головы и заставляют по очереди мести улицы.

Противоположную картину приходится наблюдать в Австрии. Плохой народ: угрюмый, неприветливый. Вена по архитектурным памятникам солиднее Праги, но сильно разбита бомбежками, хотя центр и сохранился. Какой-то там корреспондент писал, что «легкомысленные венцы пустились плясать вальс Шопена как только заиграла наша музыка». Чепуха это! Город напоминает не освобожденного, а, скорее, побежденного. Правда, жилось им при Гитлере скудно: 500 гр. хлеба в неделю. Они поражены нашим любезным отношением к ним. <...>

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 74. Л. 79-80. Письмо Печерицы Петра Лукича жене Кузьминой Анне Петровне в г. Краснодар.

*

30 апреля 1945 г.

<...> Посты отнимают у нас не так много времени. Остальное время используем для более подробного «знакомства» с Берлином и его обитателями. Слушаем патефон. Пластинки чудесные: Чайковский, Римский-Корсаков, «Бурлаки» и «Стенька Разин», на немецком языке и наши советские пластинки. Видимо, все это вывезли немцы из России во время оккупации. <...>

2 мая 1945

<...> Погода стоит чудесная. Яркое светит солнце. Цветут яблони, вишни, черемуха и акация. Наши солдаты разъезжают по городу на легковых автомашинах, мотоциклах и велосипедах. Некоторые катаются на велосипедах даже по крышам домов.

Немки и немцы ходят с белыми повязками. Из окон берлинских домов, на крышах и заборах висят всевозможные импровизированные белые флаги – знак капитуляции. Слово «капут» стало самым распространенным у немцев. <...>

10 мая 1945

Когда нам сообщают, что сегодня мы уезжаем на Прагу в Чехословакию, машины до отказа загружаются самыми лучшими продуктами и вином, коньяком, ромом и фруктами. <...>

31 мая 1945

Живем по-прежнему очень хорошо. Сегодня были на концерте чешской самодеятельности. Осталось чудное впечатление и от музыки, и от задушевных чешских песен, стихов и танцев. Несколько раз были в кино. <...>

10 июня 1945

Встали сегодня в три часа ночи ...собираемся в дорогу. Колонна нашего дивизиона уже растянулась по дороге. Чехи украшают наши машины цветами и, когда мы трогаемся в путь, долго машут нам руками. Мы поем песни. Хорошо. <...>

7 июля 1945

Итак, мы в Венгрии! Это пятое по счету государство (Польша, Германия, Чехословакия, Австрия), в котором побывали мы.

Едем. Магьяры нас не приветствуют, и это хорошо. Ведь они воевали против нас. <...>

30 июля 1945

В Пеште очень много народа. Одеты все очень хорошо, лишь обувь у женщин на деревянной подошве портит все дело. Огромное движение городского транспорта.

Многие женщины и девушки носят очки. При более детальном рассмотрении оказалось, что это темные очки для защиты глаз от лучей солнца. Многие из них идут по улице и уплетают кукурузу – это их любимое кушанье. В магазинах все есть, что душе угодно, как в отношении продуктов, так и всего прочего. Но цены ужасные. Во многих магазинах надписи по-русски: «Купите хорошие, точные часы» или «Я покупаю разный текстильный материал». В кинотеатрах идут американские, английские, мажарские, австрийские и советские фильмы.

<...> Остановливаемся на одной из улиц. Я продал кольцо и теперь покупаю открытки, пиво и сигареты. В продаже все. Можно купить, начиная с иголки и кончая женщиной, а в придачу к женщине любую венерическую болезнь.

<...> В районе вокзала и на примыкающих улицах и в переулках сплошь и рядом публичные заведения. Вид отвратительный у всего этого. На одной из улиц большой рынок. На тротуаре сидит пожилой мужчина, который играет на стеклянных цимбалах, им же изготовленных, «Катюшу», «Стеньку Разина», «Золотой огонек» и «Полюшко-поле».

1 августа 1945

Теперь к нам начали привыкать. Магьяры видят, что ничего плохого мы не делаем. Повсюду здороваются с нами, а многие научились ругаться самой отборной русской руганью и хвалятся этим перед нами. <...>

Вечером в клубе были танцы. Здесь даже умудряются танцевать «Катюшу» и «Золотой огонек». До чего же красивы здешние места! <...>

5 августа

Сегодня воскресенье. У магьяр какой-то престольный праздник. Празднично одеты люди. Все сверкает чистотой и нарядностью. Поистине красиво!

С утра люди идут в церковь. Звонят колокола. На кафедре (если так можно сказать) молодой ксендз читает проповедь на латинском языке. Весь зал молча слушает. Тишина гробовая. На переднем плане хор, который состоит из молодых девушек, одетых во все белое. После окончания молитвы зажгли свет и началось пение. Пел не только хор, но и все присутствующие.

После обеда в деревне начала работать карусель. Три музыканта: флейта, труба и барабан. Этот так называемый оркестр играет опять же русскую «Катюшу», «Огонек» и общеизвестные «Волны Дуная» и «Красавицу». Так продолжается весь день, крутится карусель, смеются девушки и парни, спуют ребятишки. Вечером мы присутствовали в одном доме на выпивке. Пели «Катюшу» по-русски и по-магьярски, а хозяйка танцевала.

22 октября 1945

<...> Сейчас в Венгрии полным ходом идет избирательная кампания. Как она разнообразно выглядит здесь! Цены повышаются до такой степени, что магьярские пенги совсем потеряли цену. Иголка стоит 120 пенгов, тетрадь в 8 листов плохой бумаги – 600 пенгов, сапожная щетка – 800 пенгов, литр коньяка – 16 тысяч пенгов, килограмм сахара – 18 тысяч пенгов и т.д.

Повсюду предвыборные плакаты различных партий. Консерваторы выпустили плакаты «Кто хочет, чтобы Красная Армия оставалась в Венгрии – пусть голосует за коммунистов». <...>

7 ноября 1945

Выборы прошли. Кажется, не совсем успешно для нас. Первенство взяла аграрная партия (мелкие землевладельцы). На их стороне стояла и стоит церковь, которая ведет большую агитацию и имеет значительный вес в Венгрии.

Вечером выступали в клубе со своей самодеятельностью. Давали два концерта подряд. Оба концерта имели большой успех. <...>

Российский государственный архив литературы и искусства (РГА-ЛИ). Ф. 2855. Оп. 1. Д. 38. Л. 26 об. – 39. Дневник Баруздина Сергея Алексеевича.

*

30.10.44 г.

<...> Мы идем вперед с боями. Фрицы нюхают гарь своей собственной земли. Пускай сжигают свои дома, как это им понравится. Я два раза переезжал границу.

Чувство какое-то детское появляется, что, мол, гады, не все же вам границы переходить. А они свои дома не жгут, у них на это кишка тонка. Зато наши не теряются. Кровь за кровь. <...>

2.02.45 г.

<...> Живем как цыгане, даже хуже. В день раза три меняем место, продвигаемся вперед. Но как быстро не двигайся, а в Берлин с боем войти не удастся. Покаместь здесь «котлы» все переварить Маршал Жуков со своим фронтом возьмет Берлин. Хорошо, если бы всех в Берлин пустили и парад там устроили, пусть гансы и фрицы смотрят.

Недавно мимо нас мирные фрицы с фрау прошли. Глядят как испуганные телята. Нагнали на них страху. Посмотрели, твари, войну в настоящем виде. Жителей мало, кто хочет остаться, расстреливают. Гонют, гонют, а куда гнать, вокруг наши. В общем, конец скоро. Живем хорошо. Насчет еды и говорить нечего. Буквально что хочешь бери кто что скажет. Коровы ходят, их в стадо собирают и к нам в Россию. А вообще из продуктов ничего нет немецкого, все с откуда-то привезено: французское, датское, голландское. А у фрицев один эрзацен. Сколько видел магазинов и вообще частных квартир – нигде нет кожаной обуви. Все подделки под настоящее. Можно вам кое-что прислать, разрешено, но ничего стоящего найти не могу. <...>

20.05.45 г.

<...> Теперь все кончилось. Именно мы это очень ощущаем. И телом и душой. Мы кончили боевые действия в порту Пиллау на косе. Находимся сейчас в том городе, который нам пришлось брать на место Берлина. Разместились по домам, которых здесь 80% разбитых. Живем мирным временем в шикарно обставленных комнатах. Комнаты у нас большие, полы устланы коврами. Пианино имеется в каждом доме. Дома утопают в зелени. Везде палисаднички и загородки, загородки и палисаднички с аккуратностью (которая, между прочим, сильно пострадала), достойной немцев. Жителей мало, большинство женщины. Как низок их народ, так низки их права. Большинство – международные проститутки. Лучше изнасиловать, чем допустить, чтобы сама лезла целоваться. Мы их не трогаем. Я брезгую. Я только один раз ударил немку. [Она] стала глазки строить и так бесстыдно с такими манерами, что я не вытерпел и тросточкой ее ударил. Об этом совершенно не сожалею и сожалеть не собираюсь. Есть, конечно, строптивные, но этим, я думаю, еще больше достается. <...>

Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 147. Л. 48, 50, 79-80. Письма Цоглина Владимира Наумовича матери Ф.А. Кедзик и сестре Гиси в г. Москву.